

3. Копылов, В. Е. Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера) / В.Е. Копылов. – Кн. 2. – Тюмень: Слово, 2001. – 352 с.
4. Мазур, Л.Н. Забытая легенда: художественные фильмы об освоении целины 1950 – 1970-х гг. /Л.Н. Мазур// Документ. Архив. История. Современность: материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 477–484.
5. Нора, П. Проблематика мест памяти / Франция – память / П. Нора, М. Озуф, М. Винок. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 328 с.
6. Салманов, Ф. К. Жизнь как открытие / Ф.К. Салманов. – М.: РТК-Регион, 2003. – 410 с.
7. Трапезников, А.А. Виктор Муравленко. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 317 с.
8. УТное небо UTair // Официальный бортовой журнал авиакомпании – «ЮТэйр», 2015.
9. Шенк, Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.
10. Povoroznyuk, O. The Baikal-Amur Mainline Memories and Emotions of a Socialist Construction Project // Sibirica Vol. 18, No. 1, Spring 2019: Pp. – 22 – 52.

Бородич В.М., Вожгурова О.В.
ОДНА РЕМИНИСЦЕНЦИЯ.
К ОТНОШЕНИЮ МЕЖДУ ЛИЧНОСТЬЮ И ГОСУДАРСТВОМ

Ключевые слова: личность, государство, роботизация, либерализм, кризис.

Размышляя о возможности роботизации человеческого *бытия*, следует задуматься над включением проблемы в более широкий и глубинный контекст, нежели тот, который может быть увязан со слишком «экзистенциальным» понятием «жизнь». Как и обратно, уместно задуматься и о феномене возможной роботизации самого человека – как существа (субстанции), а не только как «совокупности всех социальных (и прочих) отношений».

Есть и такой «поворот» темы, где сам человек оказывается как бы за скобками: «феномен роботизации бытия вообще».

И всё-таки – о человеке. О его принципиальном отличии от робота. О том, что не сводимо к роботизации. Более того – ей, в принципе, враждебно. Или, по крайней мере, оппозиционно. Мы имеем в виду личность.

Понятно, что многое зависит от трактовки самих понятий: *человек, личность, робот*. А также тех, которые так или иначе стягиваются в фокус предметного внимания: интеллект, разум, сознание, мышление, жизнь, свобода и т.д.

Дело в том, что проблема роботизации уходит своими корнями, гораздо дальше, нежели начало эпохи Просвещения, с его установками на «овладение Природой», обоснованными программами механизма, деизма и т.п. Декарт, Ламетри, Лейбниц... – всё это, конечно, значимо, конкретно, выразительно. Здесь – предыстория современной кибернетики, информатики и про-

чего. Однако, если перелистать Средневековье (вкуче с Возрождением) и окунуться в Античность, с её Мифом и Логосом, то можно обнаружить нечто не менее впечатляющее и, главное, проливающее некоторый свет на скрытые от взгляда перспективы и риски современного проекта.

Когда у А.Ф.Лосева просили дать оценку модели «платоновского государства» (ближайшего к совершенному), замечательный антилиберал-платоник, поморщившись, изрекал: это – не общество, а завод по разведению лошадей.

Существенно то, что отвращало русского философа от «предложения» глубоко им уважаемого великого грека. В государстве Платона нет места для личности. Собственно, оно направлено на уничтожение её в самом зародыше или (в силу всё-таки «несовершенства ближайшего») допущение только в карикатурной форме, как инструмента, а может и просто предмета развлечения.

Заостряя проблему, Лосев и вовсе утверждает, что Античность не знает личности как таковой. Не знает, не признаёт, предчувствует, страшится. Дело в том (по Лосеву), что личность всё-таки есть. И именно – здесь, в человеке. Пусть и не «природно-сущностно», как она допускается в Абсолюте.

В конструкции бытия неопифагорейца Платона «есть» сверхбытийное Благо (Абсолют, Единое неоплатоников), есть сущий Ум (Интеллект, почти «бог» деистов), есть Душа и Мир, и даже «не-сущая» Материя. Есть субъект и объект. А личности нет! Вернее, обнаруживается «зловеще-зловредное» её подобие – продукт некой болезни-извращения-зablуждения. Именно это самого Платона пугает и распаляет. Да и не только Платона...

Собственно, «христианскость», нередко приписываемая Платону (особенно гуманистами эпохи Ренессанса), есть следствие аберрации в сознании воспринимающих. Поскольку агрессивное неприятие (предостережение) принимается за акт признания. Хотя, как известно, крайности сходятся. Платон – антихристианин (а не христианин!) до Христа. Как, допустим, Фридрих Ницше – антихристианин после Христа.

Ум Платона (его идеальный Космос) – Матрица, Программа, Суперкомпьютерная Память. Сверхъестественный (но не «искусственный») Интеллект.

«Мудрецы-монахи-жрецы» в его Государстве – не люди. Это – «сверхроботы». Собственно, роботы (или роботы второго порядка) – солдаты. А вот третья «каста» (землепашцы, ремесленники и пр.) – именно люди. Вернее, они тоже роботы, но... Своевольные! Испорченные. Они – хуже животных (и, вероятно, рабов – хотя тему «рабов» поднимает уже Аристотель). Животные – тоже роботы. Но недостаточно наделённые интеллектом. А потому – скорее, автоматы, чем роботы. Это – уже в контексте современных различий.

Тогда понятно и то «государство», которое, по Платону, является совершенным. Кроме роботов там никого не должно быть. Место людей должны занять «говорящие орудия» (рабы), либо следует ограничиться лишь двумя категориями «граждан». Хотя почему бы не допустить и более сложную иерархию. Главное – исключить свободную волю.

Если в современной концепции собственно *цифровой реальности* роботы первого поколения, созданные сугубо человеком, уступают могуществом роботам «2.0», в производстве которых должны принять участие (вопрос о степени) первые, то у Платона «солдаты», напротив, ниже «монахов». «Напротив» – это если допустить механизм происхождения (нисхождения) одних от других. А именно, если понимать солдата, как ухушенную (сниженную) копию жреца.

В общих чертах, примерно так.

В какой исторической ситуации появляется на свет модель Платона? – Кризис (предчувствие катастрофы) греческого общества. Кризис античного полиса-государства. Демократического!

В двадцатом веке аналогичный кризис демократии на первом своём витке привёл к апробации проектов государств корпоративного (фашистского) типа. Особняком стоит СССР, что во многом определяется особенностью уже «русского мира».

А на втором витке мы получаем проект, которого так опасался даже мыслитель-нацист Хайдеггер. Это и есть наша компьютерная революция, положившая начало созданию принципиально иной реальности – «цифровой». Реальности, в продолжении своём, отличной не только от природы, но и от культуры.

Чем всё это чревато? – Возможно, чем-то вроде Апокалипсиса. Если «робот 2.0» и следующие за ним «генерации» действительно выйдут из-под нашего контроля (да и в случае «контроля» не всё однозначно). И «законы-запреты Азимова» могут оказаться лишь фиговым листком.

Кстати, идея «прививки» роботу эмоционально-чувственного (оценочного) комплекса перекликается с солдатом Платона – существом, как-то «душевным». А вдруг таким образом удастся сконструировать личность более высокого типа, нежели человек?! Однако, скорее всего, личность вовсе не конструируема. Как и жизнь. Таким способом возможна её карикатура – «квазиличность» или даже «антиличность».

Ведь и «роботы» Платона – продукт не конструирования как такового, а акта, противного эманации. Некий катарсис-анабасис. Возвращение-восстановление. «Конструктивизм» вырастает из субъективистского активизма Просвещения и через него. Это в эпоху Возрождения, у гуманистов (христианских платоников), речь шла о некоем аналоге самому платонизму (или неоплатонизму). С тем отличием, что целью являлся не робот, а именно личность. Здесь и теперь! По сю сторону, а не в транскрипции только Воскрешения.

С Просвещением тоже не всё просто. Вряд ли стоит огульно уличать его в «антиличностной реакции». Скорее, наоборот. Но корни *современного* проекта видятся там: Деизм. Механицизм...

Гоббс. Человек по природе – плох. Но «дурное» в человеке, по Гоббсу, именно свобода. И здесь уже трудно провести различие между свободой и своеволием, как проводит его затем Кант. По Канту, наше спасение как раз в свободе, которую он жёстко противопоставляет человеческой природе. Природе, как и у Гоббса, плохой, но – иначе. В его философии (достаточно противоречивой) идёт борьба всё-таки за личность, а не против неё.

Сегодня личность оказывается между молотом и наковальней. Накowальня прорастает из дискредитации либерализма и попытки отказа (напрочь!) от модели правового государства. Являет собой реанимацию той или иной версии корпоративистского проекта. А молот... Молот высвечивает уже из «цифровой реальности». И также не в единственной версии-распечатке.

Неизбежность? – Не факт. Но угроза наличествует. Сработает ли тезис Гёльдерлина, столь почитаемый тем же Хайдеггером (где опасность, там и спасение), тоже не факт...

Список литературы:

1. Лосев, А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона / Платон. Собрание сочинений: в 4 т. // Философское наследие, т. 112. Академия Наук СССР, Институт философии. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 3–63.

Вардомацкий Л.М.
**ИНОКУЛЬТУРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ
В СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК:
ФОРМЫ, СПОСОБЫ, РИСКИ**

Ключевые слова: глобализация, язык, языковое влияние, семантика, семантические коннотации, лексика, лексические заимствования, англицизмы.

Как известно, язык – это универсальное и единственное в широком его понимании средство общения, условие формирования и стабильного развития общества. Лексика – наиболее подвижный пласт языка, поскольку неразрывно и постоянно связана с внеязыковой действительностью и отражает ежедневно возникающие новые социальные реалии. И совершенно справедливым является утверждение, что словарь любого языка – это зеркало как общества в целом, так и отдельных социальных и профессиональных групп населения. Формирование словарного языка – постоянный, сложный и противоречивый процесс как с точки зрения функционирования внутриязыковых законов и правил, так и сточки зрения его общественного восприятия. Пуризм по отношению к языку достаточно часто (и справедливо!) подвергался критике, начиная, может быть, со знаменитого пуш-